

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ PR-ТЕХНОЛОГИЙ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. В литературе, посвященной проблеме благотворительности, до сих пор нет внятного ответа на вопрос: **что такое благотворительность?**

Очевидно, что ответ на этот вопрос предполагает выбор какого-то концептуально-понятийного аппарата. В качестве такового обычно используют мораль, религию, экономику или корпоративную политику. То есть благотворительность рассматривают как требование морали, религиозный постулат, элемент экономических выгод или часть корпоративной политики. Однако я полагаю, что наиболее перспективными концептами, в рамках которых можно более или менее удовлетворительно описать благотворительность, являются *теория деятельности* и *теория социальной коммуникации*. О коммуникационном подходе к благотворительности мне уже приходилось писать.¹ Это подход интересный, но явно не основной. В качестве основного, по моему мнению, надо рассматривать деятельностный подход.

С точки зрения этого подхода благотворительность рассматривается как система, основными элементами которой, нуждающимися в глубоком анализе, являются:

- инициаторы (субъекты) благотворительности;
- адресаты благотворительности;
- цели благотворительности;
- мотивы благотворительности;
- принципы благотворительности;
- поводы благотворительности;
- предмет благотворительности;
- посредники, возникающие между благодетелем и нуждающимся;
- институты благотворительности;
- ресурсы благотворительности;
- технологии (способы) благотворительности;
- эффекты благотворительности.

Возможно, есть и другие элементы этой системы.

2. Также нет внятного ответа на вопрос, в чем социальный смысл современной благотворительности? Дело в том, что любая деятельность представляет собой сложно организованную систему, имеющую три уровня:

---

¹ И.Дзялошинский. Герменевтика благотворительности. <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/germenevtika.htm>.

- 1-й уровень – технология;
- 2-й уровень – идеология;
- 3-й уровень – философия.

Что касается *технологии*, то есть совокупности методов и инструментов, используемых для достижения желаемого результата в рамках данного вида деятельности, то здесь согласие обычно достигается довольно быстро и главное слово принадлежит практикам.

Сложнее обстоит дело с *идеологией*, которая позволяет объяснить и обосновать действия индивида. Обычно мы имеем дело с некоторым множеством идеологий, которые формируют и разрабатывают для себя и под себя практически все действующие в пространстве той или иной деятельности субъекты. Множество «идеологий» конкурируют друг с другом в борьбе за сознание тех профессионалов, которые обеспечивают, в конечном итоге, выигрыш наиболее удачной идеологии, приносящей наибольшие дивиденды.

В фундаменте социальных технологий и идеологий лежит более глубокий пласт оснований, связанных с архетипами, алгоритмами, языковыми дискурсами, «археологией» и историей данного вида деятельности. Именно эти основания, иногда трудно артикулируемые, но придающие смысл деятельности, можно назвать ее *философией*.

3. Эти рассуждения имеют прямое отношение к той сфере социальных практик, которая называется благотворительностью.

Благотворительность существовала всегда. Но, принимая разные формы, она опиралась на различные схемы обоснований. В архаических обществах смысл благотворительности заключался в общинном противодействии чрезмерному обнищанию некоторых членов общины. Под эту социально понятную обязанность благополучных членов общины подводилась внушительная идеологическая база.

По мере становления капиталистического общества формировалась новая идеология благотворительности, опиравшаяся на идеи свободы и равенства. Как свидетельствует В. Иноземцев, если за судьбы политического равенства можно было «не волноваться» уже к началу XIX века, когда американская и французская революции провозгласили равенство граждан перед законом и объявили народ источником суверенитета, то борьба за экономическое равенство только еще начиналась. Сначала так называемые «утописты» начали рассуждать о некоем идеальном государстве, граждане которого хотя и бедны, но уравниваются в экономических правах; затем Ш. Фурье и немецкие коммунисты осудили буржуазное общество как воспроизводящее неравенство; потом К. Маркс и Ф. Энгельс создали концепцию, согласно которой капиталисты обогащаются за счет эксплуатации рабочих, которые лишены средств производства и потому вынуждены продавать свою рабочую силу. Основной задачей с этого момента провозглашалось устранение этой эксплуатации и тех социальных условий, которые делали ее возможной. Основоположники марксизма – и в

этом вряд ли стоит сомневаться – были искренне уверены в осуществимости этой благородной задачи и боролись за ее воплощение в жизнь.

Современные общества Запада стали индустриальными уже в конце XIX века. Однако имущественное неравенство, сопровождавшее процессы промышленного развития, достигло к тому времени уровня, явно угрожавшего социальной стабильности. Наиболее дальновидные представители имущих классов понимали, что благотворительность может выступить прекрасным средством снятия социальной напряженности, заменителем социальной революции. Как свидетельствует профессор питерского филиала Высшей школы экономики Даниил Александров, первые крупные американские фонды – Пибоди, Карнеги, Рокфеллера и Сейдж – были созданы до принятия первого федерального закона 1913 года, предоставившего налоговые льготы при передаче части доходов благотворительным организациям².

При этом с самого начала благотворительность рассматривалась не просто как оказание помощи нуждающимся, а как освоение новой сферы приложения своих ресурсов и талантов. «Эти предприниматели, создававшие новые предприятия на пустом месте, так же относились к созданию новых университетов, музеев, библиотек и благотворительных фондов. Этот дух индивидуального предпринимательства, заметно присутствующий в большой благотворительности, в наиболее яркой форме выражен в США, а не в других странах»³. Другими словами, благотворительность стала для крупных бизнесменов сферой приложения предпринимательского таланта.

4. Что касается современной России, то никакой внятной идеологии благотворительности пока нет. Взамен предлагаются несколько простых тезисов:

- есть богатые люди и богатые организации. Есть бедные люди и бедные организации. Богатые должны помогать бедным;
- государству функцию оказания помощи бедным людям и бедным организациям доверить нельзя, потому что государство решать социальные проблемы не умеет;
- именно богатые люди, ставшие богатыми благодаря своему предпринимательскому таланту, сумеют с помощью своего таланта и опыта профессионалов, работающих в благотворительных фондах, куда лучше помочь бедным и решить социальные проблемы;
- чтобы поток помощи от богатых к бедным увеличился, надо чтобы государство уменьшило налоговые тяготы богатых, стимулируя их помогать бедным.

Каждый по отдельности и все вместе эти тезисы весьма уязвимы.

---

² Александров Д. Системная благотворительность. <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>.

³ Александров Д. Системная благотворительность. <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>.

5. Сейчас наступает новая эпоха, у которой есть множество названий. Не вдаваясь в анализ большого количества трудов, в которых рассматриваются различные аспекты этой новой эпохи, отмечу одно важное обстоятельство, имеющее прямое отношение к теме благотворительности. **Доминирующее место в составе имущих классов начинают занимать люди, главным богатством которых являются знания, конвертируемые ими во все другие блага. Богатство «класса интеллектуалов» оказывается не следствием эксплуатации трудящихся, а во все большей мере выступает результатом его собственных усилий.** Поэтому для представителей этого класса имущественное неравенство более не является синонимом социальной несправедливости, будучи скорее естественной чертой новой цивилизации.

С другой стороны, в развитых странах резко возрастает количество людей, которых нобелевский лауреат Г. Мюрдаль назвал «underclass'ом»: «ущемленный в своих интересах класс, состоящий из лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов»⁴

Под такое определение подпадает весьма значительная часть граждан современных постиндустриальных обществ. Сегодня, в то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, низкоквалифицированные работники попадают в гораздо более тяжелое положение, так как даже «стабильный экономический рост не может обеспечить их «хорошими» рабочими местами, как это было в прошлом»⁵

Все сказанное выше означает, что ряды относительно неимущих будут пополняться, уровень социальной напряженности повышаться, что, собственно говоря, уже происходит и в развитых странах Запада, и в России. Известный социолог Лев Гудков констатирует: «Социальная зависть в стране увеличивается параллельно росту благосостояния. Однако сильнее россияне завидуют не богатым и знаменитым, не олигархам и большим начальникам, которых большинство видит только по телевизору, а чуть более обеспеченным соседям»⁶. Что касается богатства и благополучия, то они в «представлении граждан объясняются доступом к власти, злоупотреблениями чиновников, коррупцией, спекуляциями, но никак не модернизацией и ростом производства, эффективностью труда, инновациями»⁷.

Все это означает, что идет формирование принципиально новой социальной среды, в которой традиционные схемы и обоснования благотворительной деятельности срабатывать не будут.

---

⁴ Myrdal, Gunnar. Challenge to Affluence, New York: Pantheon Books, 1963, p. 10.

⁵ Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary and Weinberg, Daniel. "Introduction" in: Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary D. and Weinberg, Daniel H. (eds.) Confronting Poverty. Prescriptions for Change, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996, p. 10.

⁶ Новая русская зависть. http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml.

⁷ Там же.

Во-первых, размывается класс нуждающихся.

Во-вторых, иссякает энтузиазм благотворителей, которые начинают понимать, что никакими, даже самыми масштабными акциями невозможно решить ни одной более или менее значимой социальной проблемы.

В-третьих, происходит ренессанс государства. (Например, Российское государство после прихода к власти Владимира Путина, взяло линию на концентрацию в своих руках всех основных ресурсов социального развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Властные структуры берут под свой контроль в том числе и те ресурсы, которые бизнес готов вкладывать в благотворительность.)

Ну, и наконец, невозможно не сказать о все увеличивающемся и не имеющем тенденции к снижению количестве природных, технологических и социальных катастроф, влекущих за собой огромные человеческие бедствия. При этом каждая такая катастрофа становится и для отдельных государств и для мирового сообщества неожиданностью, поводом для лихорадочных, суматошных действий, и привлечения огромного количества дилетантов и благотворителей. Между тем понятно, что пришло время для создания глобальных систем мониторинга, предупреждения и ликвидации последствий такого рода катастроф, которыми должны заниматься соответствующие специалисты и специальные фонды.

Что же делать в этих условиях?

Во-первых, вернуться к обсуждению и поиску ответов на поставленные в начале этой статьи вопросы.

Во-вторых, точно определить обязанности государства и межгосударственных институтов в сфере решения основных социальных проблем и позволить ему, государству, иметь для этого достаточные материальные и финансовые ресурсы. Разумеется, при полной прозрачности деятельности власти, с одной стороны, и праве на общественный контроль ее действий, с другой стороны.

В-третьих, расстаться с иллюзией, что благотворительность, какие бы масштабы она не принимала, может решить социальные проблемы.

В-четвертых, благотворительность должна самоорганизовываться не как область деятельности владельцев крупных состояний и обслуживающих их экспертов и профессионалов, решающих, куда направить консолидированные финансовые ресурсы, а как арена массового социального творчества среднего класса. Именно здесь представители среднего класса могут найти ускользающий смысл жизни.

В-пятых, надо найти новую философию благотворительности, дающую убедительные обоснования как для благотворения, так и для благополучения.